

Лишняя хромосома и иностранный язык совместимы

Е. В. Стрельницкая, преподаватель МГУ

Преподаванием языков (английского, испанского и русского) я занимаюсь с 1999 года, когда окончила переводческий факультет МГЛУ. За десять лет пришлось столкнуться с учениками самого разного толка – и с усердными, влюбленными в лингвистику студентами, и со школьниками, мечтавшими «скинуть» экзамен по английскому и никогда больше не вспоминать об этом ужасе, и с российскими бизнесменами, которых надо было в рекордные сроки подготовить к интернациональным переговорам, и с полными энтузиазма американскими пенсионерами, не жалевшими сил, чтобы научиться объясняться по-русски.

Однако, несмотря на довольно разнообразный опыт, предложение обучать английскому мальчика с синдромом Дауна (поступившее однажды от старого друга семьи) в первый момент меня озадачило. Никакой медицинской или дефектологической подготовки у меня не было. «Мальчик-даун? – забормотала я неуверенно. – Но ведь таким детям, наверное, нужны специальные преподаватели по всем предметам, в том числе и по иностранному языку?»

Выяснилось, что на вопрос, нужны ли детям с синдромом Дауна «специальные» преподаватели, или достаточно добросовестных «обычных», до сих пор нет четкого ответа. Иностранному же языку, как мне пришлось узнать, таких детей вообще обучают крайне редко.

В успехе начинания никто уверен не был, но семья Саши (мальчика, о котором шла речь) через полгода переезжала на постоянное место жительства в Австралию, поэтому родители считали, что выбора нет: надо попробовать ознакомить ребенка хотя бы с азами нового языка, иначе переезд грозит их сыну пожизненной социальной изоляцией.

Собираясь на первую встречу, я нервничала. С людьми с синдромом Дауна жизнь меня раньше не сталкивала, об их когнитивных и эмоциональных особенностях я имела смутное представление. Как отреагирует на меня новый ученик? Будет ли воспринимать навязываемые ему знания?

Первое, что меня поразило, было невероятное, какое-то инопланетное дружелюбие двенадцатилетнего сероглазого паренька. Саша встретил меня с солнечной улыбкой, протянул обе руки: «Здравствуй, тебя Катя зовут?»

Для учителя очень важна первая реакция ученика – во многом она определяет ход дальнейших занятий. Я еще толком не знала, по какой методике буду заниматься с Сашей, но в главном уже была уверена – дело так или иначе пойдет, результат будет.

Когда иностранный язык нужен русскоязычному человеку не для сдачи экзамена, а для живого общения, и человек – абсолютный новичок, я обычно забываю про грамматику, правила обозначения транскрипции и прочую теорию. Пользуюсь методом разговорника: пишу несколько ходовых фраз («Здравствуйте!», «Как дела?», «Как вас зовут?» и т. д.), указываю в скобках русскими буквами, как они читаются («Хеллоу», «Хау а ю...»). Затем способом многочисленных повторов (при которых отрабатывается произношение) и разыгрывания коротких сценок добиваюсь запоминания и свободного употребления этих фраз учеником, после чего даю ему новую порцию слов и выражений. Этот метод, при кажущейся примитивности, имеет один большой плюс: после двух-трех уроков человек уже может что-то сказать и при встрече с носителем языка не чувствует себя глухонемым: знает, как представиться, ответить на несколько элементарных (но неизменно задаваемых при знакомстве) вопросов, задать такие же вопросы собеседнику. Конечно, в масштабах изучения языка это лишь крохотный первый шаг, но именно он, как правило, придает ученику уверенности в своих силах, создает мотивацию для дальнейшего продвижения в языке.

Примерно так я решила попробовать заниматься с Сашей. Времени на занятия было мало – всего несколько месяцев, и надо было за короткий срок научить мальчика говорить и понимать хотя бы несколько основных речевых клише, приучить к звучанию английского языка – уменьшить вероятность того, что переезд в чужую страну станет для подростка неизлечимой травмой.

С первых же минут я начала отмечать для себя особенности восприятия новой информации у детей с синдромом Дауна (наблюдения позже подтвердились на других примерах). Люди с лишней хромосомой плохо воспринимают абстрактные понятия – их мышление привязано к конкретным, осязаемым событиям и реалиям. Чтобы научить Сашу английским формулам вежливости, приходилось «оживлять» обсуждаемые ситуации. Например, выходить из квартиры, звонить и снова входить, чтобы добиться «*Hi, how are you?*» («Привет, как дела?»). Надевать картонные маски сказочных зверушек, чтобы снова и снова слышать «*What is your name?*» («Как тебя зовут?»). Просить что-нибудь у мальчика (книжку, картинку, конфету) и повторять «*thank you*» («спасибо»), чтобы ребенок говорил в ответ «*you are welcome*» («не за что»). Иначе Саша нет-нет да и начинал протестовать: «Мы уже сегодня здоровались», «Я уже знаю, как тебя зовут», «А за что спасибо?». С другой стороны, на предложение поиграть мальчик с удовольствием соглашался и охотно принимал условия игры.

Также я заметила повышенную (по сравнению с «обычными» детьми его возраста) утомляемость Саши, склонность к частым сменам настроения. Продуктивные моменты надо было ловить, потому что полчаса спустя мальчик мог вдруг замкнуться и угрюмо умолкнуть. Но меня не переставало вдохновлять его тепло и трогательная привязанность ко мне: каждый раз, независимо от того, как кончилось предыдущее занятие, Саша встречал меня в буквальном смысле с распростертыми объятиями, с громким «*Hi, how are you!*» и с неизменной готовностью продолжать работать.

Саша и его семья уехали и уже около двух лет живут в Австралии. Мы поддерживаем связь по электронной почте. Саша пошел в русскую школу при посольстве, а также какое-то время посещал занятия для детей с генетическими отклонениями, организованные русско-еврейской общиной. Но сейчас у него уже есть несколько приятелей-австралийцев, не знающих ни слова по-русски; он один ходит за покупками в местные магазины, смотрит австралийское телевидение, пишет мне небольшие письма на английском. Иностранный язык не сломал русскоязычного мальчика с синдромом Дауна.

Уезжая, родители Саши дали мне телефон своих друзей, у которых тоже был сын с синдромом Дауна и которые тоже хотели приобщить ребенка к английскому. Мы созвонились, и я начала заниматься с Димой (ему, как и Саше, было двенадцать лет). К сожалению, через несколько месяцев мне самой пришлось уехать почти на год в США и наши встречи прервались.

Тем не менее выводы, которые я сделала, обучая Сашу и Диму, не только раскрыли мне глаза на потенциальные способности детей с синдромом Дауна, но и вдохновили на дальнейшее изучение темы преподавания иностранного языка людям с генетическими отклонениями.

«Необучаемость» детей, а также взрослых людей с синдромом Дауна – миф.

В конце прошлого года близкий друг рассказал мне о недавно вышедшей книге «Мой маленький Будда». Это исповедь матери мальчика с синдромом Дауна – подробный рассказ о том, как она воспитывала ребенка, как много занималась с ним, чтобы вырастить развитым и образованным человеком. Для меня эта книга содержала один уникальный факт: автор, Валентина Ласлоцки, родилась и выросла в России, а замуж вышла за гражданина Венгрии и переехала жить в эту страну. Ее сын – полукровка и является двуязычным, то есть одинаково хорошо говорит на венгерском и на русском.

По счастливой для меня случайности спустя неделю после того, как я узнала о книге, В. Ласлоцки приехала в Москву, чтобы провести презентацию русскоязычной версии «Моего маленького Будды».

Не буду здесь описывать само мероприятие и очаровательную, мудрую и сильную Валентину – рассказ об этой встрече заслуживает отдельной статьи. Скажу лишь, что благодаря презентации книги В. Ласлоцки я узнала об активной работе по поддержке детей с синдромом Дауна, которая проводится в России усилиями Благотворительного фонда «Даунсайд Ап», приобрела множество новых друзей и несколько новых учеников.

Опираясь на результаты работы с этими ребятами, я могу теперь уже с уверенностью констатировать несколько фактов.

«Необучаемость» детей (а также взрослых людей) с синдромом Дауна – миф. Безусловно, процесс обучения иностранному языку у них осложняется некоторыми особенностями, в гораздо меньшей степени свойственными «обычным» людям: пониженной концентрацией внимания, невосприимчивостью к абстрактным категориям, частыми сменами настроения, быстрой утомляемостью. У детей с генетическими отклонениями иногда возникают сложности с идентификацией процесса обучения как такового. Они часто воспринимают занятие как игру «на равных» – им трудно понять специфику отношений учителя и ученика, которая предполагает определенную степень подчинения второго первому, необходимость повторять одну и ту же фразу по нескольку раз, переходить от старого, привычного материала к новому и т. д. Однако у них есть также особенности, способствующие усвоению информации: дети с синдромом Дауна отличаются устойчивой долговременной памятью и, однажды выучив что-то, уже не забывают (хотя и при работе с ними, как с абсолютно любым учеником, в основе овладения иностранным языком все же лежит регулярное повторение).

Методы обучения детей с лишней хромосомой в общем и целом мало отличаются от методов, применяемых с «обычными» детьми, – лишь требуют от преподавателя больше времени, внимания и такта.

Родителям, желающим обучить маленького ребенка с синдромом Дауна иностранному языку, следует отдавать себе отчет в том, для чего конкретно их ребенку понадобится это знание, в чем оно сможет ему помочь. Для большинства людей (за исключением лингвистов) иностранный язык – прикладной инструмент, обслуживающий чисто практические нужды: не потеряться в зарубежном городе, поддержать несложную беседу, прочесть инструкцию. Эти нехитрые цели достигаются употреблением ограниченного набора слов и разговорных реплик. Поэтому, памятуя о том, что дети с синдромом Дауна «не дружат» с абстрактными понятиями, на начальном этапе не стоит даже пытаться навязывать им какую-либо грамматику. Лучше предложить ребенку несколько простых, хорошо знакомых ему на русском и часто употребляемых фраз, ярко и крупно написать их английскими и русскими буквами в тетради или на альбомном листе, ниже написать их четкий русский эквивалент. Потом важно несколько раз правильно произнести фразу (если вы сами не в ладах с иностранным языком, можно использовать обучающие аудиозаписи для начального уровня) и попросить ребенка повторить ее, сопровождая соответствующими жестами и мимикой. Эту процедуру желательно проделывать по нескольку раз в день – на запоминание одной фразы, в зависимости от ее сложности и индивидуальных особенностей ребенка, может потребоваться от нескольких дней до нескольких недель.

Лучше всего попытаться внедрить иностранный язык в ежедневные ритуалы: когда ваш малыш говорит вам по-русски: «Доброе утро», попросите его сказать эту же фразу по-английски (или на другом изучаемом языке), то же самое с «до свидания», «спасибо», «пожалуйста», «доброй ночи» и т. п. Абсолютным «хитом» эффективности можно назвать просьбы типа «Дай мне...», «Можно мне...», «Я хочу...» – в том случае, если, звуча на иностранном языке, они встречают удовлетворение. Выберите для ребенка один наиболее легко произносимый иностранный эквивалент этих реплик и встречайте его русские просьбы условием: «Ты сможешь это взять/сделать/съесть, если попросишь по-английски (по-

немецки, по-французски и т. д.)», причем будьте настойчивы в этом требовании. Но самое главное, не забывайте как можно чаще хвалить и поощрять ваших детей – дети с синдромом Дауна, как правило, намного более чувствительны к ласке и отзывчивы на комплименты, чем их «обычные» сверстники.

При обучении иностранному языку очень помогают такие занятия, как рисование, раскрашивание, аппликация и т. п., которые параллельно развивают детей и в творческом отношении. Дети с синдромом Дауна прекрасно запоминают иностранные названия предметов, животных и людей, которых сами нарисовали (в изобразительном искусстве им требуется помощь старших – старайтесь, чтобы рисунки были как можно более крупными и яркими). Разумеется, картинки надо подписать и на русском, и на иностранном языке (иностранными и русскими буквами – как можно крупнее).

К звучанию иностранной речи хорошо адаптируют детские (или несложные популярные) песни на изучаемом языке – в особенности те, где по нескольку раз повторяются одни и те же фразы. Обычно после двух-трех прослушиваний ученики начинают с удовольствием танцевать под них и подпевать, просят поставить еще и еще.

Безусловно, наилучшим и наиболее естественным способом изучения иностранного языка остается погружение в среду, где на нем говорят. Если у вас есть возможность поехать отдохнуть за рубеж, постарайтесь привлечь ребенка к обмену выученными фразами с кем-нибудь из носителей языка или людей, владеющих этим языком, но не знающих русского. Только в процессе живого общения ребенок начинает чувствовать, что другой язык ему действительно нужен. Следует помнить, что мозг живого существа овладевает знанием ровно в той степени, в которой это существо реально нуждается в нем.

В заключение хотелось бы еще раз уверить людей, чьи дети родились с лишней хромосомой: ваших детей можно и обязательно нужно обучать иностранному языку. Знание английского сейчас становится для большинства людей необходимым условием и, скорее всего, в будущем поможет вашему ребенку в перемещениях по миру, в обращении с техникой, в общении с другими людьми. Но и тем детям с синдромом Дауна, для которых английский язык является родным, я бы очень рекомендовала изучать другие языки – ведь как любой сложный когнитивный процесс, изучение иностранного языка расширяет общие ментальные возможности, повышает творческий потенциал, культурно обогащает.

